

Неужели это она сама довела родную дочь до того, что та сломала ногу и теперь лежит здесь, едва живая?

Если так, лучше бы она с самого начала не давала семье Цинь это поручение. Она бы предпочла видеть Юй Инь здоровой, даже если бы с головой у той и вправду было не всё в порядке, чем наблюдать, как та мучается здесь. Её дочь ещё так молода, а теперь у неё изуродована половина лица, и нога останется калекой. Неизвестно, как сильно будет страдать Юй Инь, когда очнётся.

Госпожа Юй сидела на своём месте в комнате мониторинга, опустив глаза, слёзы текли ручьём. Главный врач в белом халате, стоявший рядом, видя её горе, не решался ничего добавить, лишь замолчал и неловко замер рядом, рассеянно переводя взгляд на экраны.

На мониторе регистратуры, позади длинной очереди в регистратуру, промелькнула девушка в тёмных очках.

Слушая сдержанные рыдания госпожи Юй, врач хотел что-то сказать, но счёл это бестактным. Видеть чужую слабость всегда неловко, а перебивать — и вовсе непростительно. Он перевёл взгляд и, словно ища отвлечения, вновь уставился на девушку, застывшую среди толпы на экране.

Девушка была стройной и высокой, в руках она сжимала букет свежих, ярких лилий. Тёмные очки скрывали лицо, но на вид ей было лет восемнадцать-девятнадцать. Чёрные волосы, собранные сзади, белая футболка, короткие джинсы, а из-под них — длинные стройные ноги в высоких горных ботинках. Выглядела она так, будто очень спешила.

Больничные камеры были не слишком чёткими, и разглядеть лицо девушки не получалось. Она обошла толпу пациентов, ожидающих приёма, подошла прямо к стойке информации и заговорила с дежурной медсестрой, видимо, о чём-то спрашивая.

Больничные камеры были беззвучными. Врач, стоя перед экраном, видел, как медсестра за стойкой, выслушав вопрос девушки в очках с букетом лилий, сначала кивнула, а потом покачала головой.

Девушка держалась прямо. Пиксели на экране плыли, но по тому, как окружающие оборачивались ей вслед, врач мог предположить, что девушка, должно быть, необычайно красива. Иначе почему бы медсестра не замерла на секунду, когда та сняла очки?

Стоя спиной к камере, девушка одной рукой прижимала к себе лилии, а другой поднесла что-то к лицу — видимо, снимала очки. Она что-то сказала, затем стремительно надела их обратно. На лице медсестры мелькнуло мгновенное оцепенение, затем оно сменилось лёгкой смущённостью, и она заговорила с девушкой, опустив голос.

Врачу стало интересно: девушка пришла навестить больного родственника?

Резким контрастом на фоне унылой, озабоченной толпы в холле, эта девушка излучала энергию и молодость, казалась совершенно безобидной. Ни у кого не повернулся бы язык заподозрить что-то неладное, глядя на эту милую, чистую девушку с букетом лилий.

Медсестра колебалась, но в конце концов тихо проговорила номер палаты.

На экране девушка с букетом уже собиралась уйти лёгкой походкой, как вдруг медсестра окликнула её.

Из-под тёмных стёкол на мгновение блеснул злоеший взгляд, острый, как лезвие ножа.

Выслушав участливое предупреждение медсестры, Цзян Чжунсюэ смягчила тон, уголки её губ чуть приподнялись, обнажив дружелюбную, тёплую улыбку.

— Мы с ней старые подруги, много лет не виделись. Раз случилась такая беда, я не могла не прийти. Она обожает лилии. Я просто оставлю букет у двери, чтобы она знала — я была здесь.

Цинь Чаншэн вздрогнула и проснулась от кошмара.

Ей только что снилось, как она снимает маску с мёртвой женщины, выкатившейся из бронзового котла, и та женщина — это она сама.

Пропотевшая одежда липко пристала к коже, и дуновение ветра заставило её дрожать от холода. Она взглянула на часы и безнадёжно выдохнула.

Хотела лишь вздремнуть, а заснула по-настоящему. Столько мучений пережила во сне, а проснулась — и прошло-то всего минут десять.

Вокруг больше не было и намёка на прежние призрачные тени. Цинь Чаншэн сидела на дереве, озираясь по сторонам. Наверное, те люди, досмотрев, как горит котёл, уже разошлись по домам. Хотя некоторые загадки оставались неразгаданными, Цинь Чаншэн в общих чертах понимала — её сон как-то связан с произошедшим ранее.

Она просто не могла понять, почему ей постоянно снятся умирающие женщины, будто бы её двойники. Одна утонула в колодце, другая сгорела в котле. Неужели всем, кто носит её лицо, уготована скверная участь и мучительная смерть?

Цинь Чаншэн отряхнулась и спрыгнула с дерева. Кругом стояла тишина, небо затянула ночная мгла. Она осторожно двинулась вперёд, надеясь отыскать тропу, что вела бы вниз с горы.

Она шла по памяти, пытаясь спуститься тем же путём. Проходя мимо огромного гроба у въезда в деревню, она не удержалась и бросила взгляд на «комнату» с алыми фонарями. На тонкой, словно бумага, ширме чётко вырисовывалась тень женщины с высоким лбом, сидящей при свете лампы на стуле, склонившей голову — то ли нитку вдевает, то ли подошву шьёт.

В сердце Цинь Чаншэн шевельнулась жалость. Эти умершие не ведали, что они мертвы, продолжая жить на вершине горы Цзи, в полной изоляции от мира, сохраняя все свои привычные действия в этом месте, и так — до скончания веков.

Если их потревожить, если они осознают свою смерть и обратятся в лютых призраков, тогда уж точно никто не выберется отсюда живым.

Цинь Чаншэн, затаив дыхание, на цыпочках двинулась вниз по горной тропе. В темноте ветки хлестали её по лицу, оставляя на теле ссадины, но она почти не обращала на это внимания, лишь быстрее бежала вниз.

Но в конце тропы, у самого обрыва, Цинь Чаншэн погрузилась в отчаяние.

Перед ней зияла та же пропасть, что и утром, когда она только пришла, — непреодолимая преграда. И даже если бы её не было... она не могла быть уверена, что не застряла навеки в этом царстве мёртвых.

Даже если бы она спустилась с горы, возможно, ей всё равно не удалось бы контактировать или общаться с людьми из другого мира. Мир, из которого она родом, по своей сути не мог допустить существования царства мёртвых, а значит, между ними должен быть настоящий, единственный выход. Кроме этого выхода, ничто не могло нарушить хрупкое равновесие между мирами.

Цинь Чаншэн в растерянности застыла на краю обрыва, глядя на противоположную сторону.

Тот мир тонул в серой мгле. Даже в ночи она различала белесоватый туман, похожий на разинутую пасть чудовища, что поглотил всё на той стороне тропы.

Цинь Чаншэн стояла на краю, в голове у неё стоял гулкий шум. Она схватилась за голову, прислонилась к внутренней стене горной тропы и медленно сползла на землю, словно сдувшийся воздушный шарик, бессильно усевшись на землю.

Как вдруг у неё в животе предательски урчануло.

Даже если разум не ощущал этого, её тело отчаянно требовало пищи. Без воды человек умирает за шесть дней, без еды — органы откажут примерно через полмесяца.

Хотя в голове был полный хаос, Цинь Чаншэн всё же достала из рюкзака бутылку с водой и сделала глоток. Печенье внутри уже давно раскрошилось, да и упаковка была негерметичной, отчего всё слегка отсырело.

Стиснув зубы от приторно-сладкого вкуса ароматизаторов, она доела последние оставшиеся крошки. Не поев — не замечала, а как поела, ранее игнорируемый желудок вдруг взбунтовался. Цинь Чаншэн почувствовала резкий спазм, во рту скопилась кислая слюна, и голод нахлынул с такой силой, что она готова была съесть ещё с десятков таких же пачек.

Но хоть голод и был нешуточным, другой еды у неё не было — пришлось терпеть. Цинь Чаншэн поднялась, убрала бутылку, а пустую упаковку от печенья оставила на земле, чтобы не занимала лишнее место в рюкзаке.

<http://bllate.org/book/16269/1464376>